# Наброски изъ дѣйствительной охотничьей жизни.

(посвящается всѣмъ товарищамъ по охотѣ).

---

## I.

### На переходѣ.

Къ вечеру, сдѣлавъ большой переходъ и ни разу не спустивъ по звѣрю собакъ, подходили мы къ „Сторожамъ“. Солнце чисто и ярко садилось съ лѣвой стороны. Мы шли толпою по дорогѣ; впереди раскинулась обширная Сторожинская площадь. Большая часть собакъ шла безъ своръ; гончія шли съ нами. Оставалось саженей сто до мелочей, мимо которыхъ пролегала дорога, какъ съ опушки вскочилъ русакъ и бойко, красиво побѣжалъ впоперечь всей охотѣ—въ ту сторону, гдѣ садилось солнце—въ чистое поле. Онъ не побѣжалъ почему-то въ лѣсъ, на краю котораго лежалъ, и очевидно надѣялся на свои ноги.

Кучею бросились за нимъ воззрившіяся борзыя, гончія загамѣли, и всѣ, соскучившись за цѣлый неудачный день, понеслись за маленькимъ, быстро-утекавшимъ звѣркомъ.

— Вотъ на этомъ посмотримъ бѣлыхъ, сказалъ мнѣ на скаку И. А. Е-нъ, заслоняя рукою глаза отъ солнца.

Мало помалу собаки, скучившіяся сначала, стали вытягиваться. Черная шла передомъ и всѣ онѣ вмѣстѣ напоминали фигуру журавлей, когда они тянутъ узкимъ треугольникомъ. Русакъ забралъ переда и, выбравшись съ жнивья на бойкую дорогу, стойко оттягивалъ отъ собакъ и только пыльца, поднимаемая имъ съ дороги и освѣщаемая солнцемъ, показывала, какъ быстро онъ подвигался. Всѣ мы скакали сзади и зорко слѣдили за несущейся передъ нами, какъ-бы на коврѣ самолетѣ, живой картиной. Черную собаку обо-

шла половая, половую объѣхалъ краснопѣгій Соколъ Н. А. Е—на, скакавшій первую осень и тогда уже подававшій большія надежды; по тутъ, какъ разомъ выброшенный сильною рукою, вырвался впередъ одинъ изъ „бѣлыхъ“—сѣроухій „Вихрь“ (сынъ Назимовскаго „Пылая“ и внукъ извѣстной по рѣзвости „Шельмы“; бѣлые Вихрь и Лебедь подарены были мнѣ А. П. Офросимовымъ) и далеко оставивъ борзыхъ двадцать сзади, птицею догналъ русака и щегольски началъ ловить его въ одиночку, такъ какъ всѣ остальныя не поспѣвали къ угонкамъ.

Первымъ ударомъ онъ круто бросилъ русака съ дороги на жнивье, справился, снова накрылъ его сейчасъ-же, но тотъ усѣлъ; Вихрь покатился кубаремъ, а русакъ, какъ разомъ выпущенная изъ пальцевъ натянутая стальная пружинка, отросъ отъ него опять на дорогу и опять запылилъ въ прежнемъ направленіи.

Осмотрѣвшись, Вихрь снова сталъ рѣзво доспѣвать къ русаку; разстояніе между ними быстро сокращалось; наконецъ онъ могучимъ броскомъ поставилъ русака ушми назадъ и потомъ, видимо намѣчиваясь, чтобы захватить вѣрнѣе, на щипцѣ повелъ его на встрѣчу всей растянувшейся стаѣ.

Все разомъ смѣшалось, собралось въ одной точкѣ и стало:—картина перестала двигаться.

„Стой, гончія!.. стой! кричалъ только одинъ изъ выжлятниковъ, перескакивая и сбивая смычекъ молодыхъ гончихъ, которыя, уклоняясь и увертываясь отъ его лошади и арапника, съ воплемъ неслись къ заманчивой для нихъ впереди—соблазнительной кучѣ.

## II.

### На лазу.

Слѣдующій день былъ изъ сѣренькихъ;—облаковъ не было видно, но не было видно и солнца. Все небо было одинаково—молочнаго цвѣта; было сыровато послѣ утренняго тумана и въ воздухѣ такъ тихо, что, какъ говорится, „не шелохнется“.

Мы брали „Овсянниковскую Дуброву“. Лѣсъ, начинаясь отъ „Попова селища“, суходоломъ, съ рѣдкими кустами, переходилъ въ необыкновенно плотную, глубокую каменистую вершину, которая, раздваиваясь на половинѣ и раздѣляясь поросшею густымъ молодымъ дубнякомъ и орѣшникомъ площадкою, въ видѣ купола или шапки, оканчивается большимъ строевымъ лѣсомъ съ частымъ, мелкимъ подсадкомъ.

По дорогѣ на лазъ, переѣзжая вершину, я встрѣтилъ лѣсника, который, на вопросъ—нѣтъ-ли въ лѣсу скотины, отвѣчалъ, что въ ихъ лѣсу скотины не бываетъ, потому лѣсъ молодой портитъ, а только иногда „духовныя свиньи“ заходятъ за желудями; но что онъ, зная, что наша милость охотиться пріѣхали, наказъ далъ, чтобы ихъ для такого раза въ дуброву не пущали. А ужъ куда какъ звѣрно!.. лисъ страсть! да и волки почесть каждый день перебѣгаютъ“.

Гончихъ завели снизу. Я сталъ въ полѣ—саженяхъ во ста отъ лѣса, — въ такъ называемомъ „кустѣ“, — площадкѣ лѣса, нарочно оставленной для лаза въ чистомъ полѣ покойнымъ владѣльцемъ имѣнія и охотникомъ Д. Г. М—мъ. Со мною стали И И. Ш—въ, съ двумя собаками, и безъ своры К. В. Н—въ, желавшій видѣть моихъ „бѣлыхъ“. На сворѣ у меня были знакомый уже „Вихрь“ и братъ его, однопометникъ—„Лебедь“.

Малѣйшій звукъ долеталъ отчетливо; слышно было, какъ охотникъ тихо покашливалъ на сосѣднемъ, хотя не близкомъ лазу. Условленное для заѣзда время пришло, доѣзжачій разомкнулъ гончихъ, посвисталъ, и пестрыя собаки замелькали въ кустахъ въ началѣ вершины. Звучно раздалось порсканье и въ то же время еще звучнѣе отозвалась собака; черезъ нѣсколько секундъ отозвалась въ другой, въ третій разъ; присоединились еще два голоса и наконецъ, постепенно разростаясь и усиливаясь въ crescendo, помкнула вся стая. Подали голосъ по лисѣ;—мурашки заходили за спиною—по кожѣ. Все окружавшее меня встрепенулось и, встрепенувшись, замерло. Стая дала кругъ по вершинѣ, перевалила въ крупный лѣсъ и здѣсь точно выросла и утроилась; еще отчетливѣе и рѣзче отдавался въ ушахъ голосъ каждой собаки, порсканье доѣзжачихъ и волоса зашевелились подъ шапкою отъ волненія и напряженія. При всякомъ взглядѣ влѣво, казалось, что лисица бѣжитъ уже вправѣ и наоборотъ.

— Ѳедоръ, слышишь? обратился ко мнѣ стоявшій рядомъ Н—въ.

— Тише, молчи! отвѣчалъ я ему, хотя самому хотѣлось предложить ему тотъ же вопросъ и хотя такимъ способомъ подѣлиться съ другимъ и какъ бы выпустить наружу внутреннее чувство, заставлявшее биться сердце до боли.

Такъ прошло часа полтора. Стая нѣсколько разъ разбивалась на двѣ, выводила въ поле; по сторонамъ травили... снова заводили гончихъ и снова начиналась гоньба.

Лисицы мелькали у насъ передъ глазами въ опушкѣ, перебѣгали полемъ на короткое разстояніе, не удаляясь отъ лѣса и не

въ мѣру, и мало-по-малу всѣ мы, не исключая лошадей и борзыхъ, привыкли ко всему слышимому и видимому, и успокоились.

Вихрь съ Лебедемъ легли, свернулись и задремали. Лошадь повѣсила голову и распустила уши. Я, посматривая по сторонамъ, о чемъ-то задумался и въ то-же время, не помню, увидѣлъ-ли или услышалъ, или просто инстинктивно почувствовалъ, что на землѣ, у самой лошади, что-то шевельнулось. Я опустилъ глаза: противъ самаго стремени справа стояла свѣтлая матерая лисица и, отвернувъ голову и нѣсколько прищуривъ глаза, прислушивалась къ издали долетавшимъ спереди звукамъ.

Съ минуту я не зналъ что дѣлать, такъ какъ стоялъ на краю густой площадки. Всѣ мы не шевелились, но послѣ перваго, самаго незначительнаго моего движенія, которое во всякомъ случаѣ было невольнымъ, лисица какъ молнія исчезла сзади меня въ кустахъ и прямо наткнулась на Н—ва.

— Ѳедоръ, береги! крикнулъ онъ мнѣ громко, тутъ только увидавъ лисицу. Собаки вскочили; я, совершенно растерявшись и вообразивъ, что лисица уже впереди, выскочилъ въ поле, спустивши собакъ. Лисицы не было. Съ одной стороны изъ куста выскочилъ А., съ другой Ш. со спущенными и также въ недоумѣніи метавшимися собаками. Всѣ мы вопросительно взглянули другъ на друга.

— Она здѣсь въ „кустѣ“, сказалъ Н. и поскакалъ на другую сторону площадки; всѣ собаки бросились за нимъ. Кругомъ было чистое поле, только „дуброва“ была недалеко, а съ этой стороны оставались мы съ Ш-мъ безъ собакъ. Взять ихъ на своры мы, заторопившись, не догадались.

— Что!? тамъ нѣтъ ея? крикнулъ я чрезъ кусты Н—ву—и въ тоже мгновеніе увидѣлъ лисицу, которая, сверкнувъ мимо меня и распустивъ трубу, полетѣла въ „Дуброву“.

— Улю-лю!.. неистово закричали мы съ Ш—мъ, призывая собакъ, и понеслись за лисицею, отчаяваясь въ успѣхѣ, такъ какъ уже на половину разстоянія она подвинулась къ лѣсу. Но въ это время изъ кустовъ вылетѣлъ разгорѣвшійся Вихрь и, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ и бьетъ сытую перепелку, такъ и онъ, какъ-бы однимъ размахомъ, догналъ лисицу саженяхъ въ десяти отъ „Дубровы“, захватилъ безъ угонки и покатился съ нею по жнивью... только труба нѣсколько разъ мотонулась въ воздухѣ.

Оказалось, что лисица эта слѣзла отъ гончихъ на деревенскія гумна, вышла потомъ въ поле, залегла и, случайно поднятая проходившимъ крестьяниномъ, пришла къ намъ въ „кустъ“ сзади, откуда, разумѣется, никто не могъ ее ожидать.

## III.

### На охотахъ по волкамъ.

Бываютъ такіе дни на охотахъ, когда ничего не удается. Ѣздишь по хорошимъ мѣстамъ и ничего не находишь; гончія не гонятъ, съ поля ничего не поднимается; вѣтеръ дуетъ, какъ кажется, особенно непріятно; солнце досаждаетъ; лошадь не удовлетворяетъ, борзыя кажутся вялыми; однимъ словомъ — вѣкъ бы на охоту не ѣздилъ.

Напротивъ, бываютъ другіе дни, когда ѣдешь шутя, держишься около дома, гдѣ ничего, казалось-бы, и найти нельзя, а между тѣмъ травишь столько, что и собаки станутъ, и лошадь сдѣлается пнемъ, и самъ совершенно *зарьяешь*.

4 ноября, въ очень хорошій, теплый, ясный осенній день, часовъ въ 11 утра, отправились мы безъ гончихъ *прокатиться* съ одними борзыми. Недалеко отъ дома затравили русака, потомъ лисицу, потомъ другую, затѣмъ опять русака. Незамѣтно удаляясь травлями, мы, доѣхавъ до оврага, гдѣ часто держатся волки, послали двухъ охотниковъ въ заѣздъ, а сами втроемъ съ Н. И. А-мъ и Н. А. Х-мъ и шестью собаками стали на такое мѣсто, съ котораго открывалось обширное поле влѣво—куда направились наши охотники. Отъѣхавъ отъ насъ на версту и приблизившись къ оврагу, они оба поскакали и замахали шапками. Мы тронулись вскачь, на перерѣзъ; по дорогѣ приходилось переѣхать двѣ узкихъ, но глубокихъ лощинки. Первую мы перескочили благополучно; я скакалъ рядомъ съ А-мъ, совершенно позабывшимся и только предупреждалъ его словами: „осторожнѣй—водомоина. Берегитесь—межа“! Вторую лощинку А—й сталъ обскакивать на карьерѣ въ головкѣ, а я шагомъ спускался внизъ. Прямо напротивъ съ другой стороны на меня сунулся волкъ и, круто повернувъ назадъ, скрылся за косогоромъ. Когда, спустивши съ своръ собакъ, мы одновременно выбрались на самую вершину, огромное поле зеленей уходило вдаль, оканчиваясь большою дорогою, волкъ катилъ уже далеко, рѣзко отдѣляясь на зеленяхъ, оттѣняемый солнцемъ. Дружно заложились по немъ собаки; мы потянулись сзади. Разстояніе между собаками и волкомъ начало сокращаться; у самой большой дороги, когда волкъ перескакивалъ ограждающій ее валъ, его настигали уже головой „Сокрушай“ и черные „Наглецъ“ и „Нагла“ А—го. Все скрылось. *Въѣхавъ на валъ, мы видѣли вправѣ, какъ „Сокрушай“,* опроки-

нувшись съ волкомъ, ударился о валъ другой стороны дороги, спустилъ волка и тотъ опять впереди собакъ перемахнулъ канаву.

— Уйдетъ, сказалъ я Х—ву, зная, что недалеко отъ большой дороги начинается „Шиловская вершина“.

— А можетъ быть... Отвѣчалъ рядомъ скакавшій А—ій, погоняя лошадь.

За валомъ, растопыривъ ноги, стоялъ волкъ; „Сокрушай“ вмѣстился ему сзади въ загривокъ, а „Наглецъ“ и „Нагла“ мертво влѣпились въ уши. Остальныя собаки присутствовали только, точно дѣло ихъ не касалось. Глаза у волка злобно сверкали, онъ хрипѣлъ, стараясь везти собакъ на себѣ. Одновременно съ А—мъ мы разомъ съ двухъ сторонъ нанесли ему смертельные удары, и онъ, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, грузно повалился на томъ же мѣстѣ, гдѣ его задержали...

—

Было очень раннее утро; заря только что занялась. Гончія остались въ логу, ожидая полнаго разсвѣта, а мы молча, насколько возможно тихо, расползались съ борзыми по мѣстамъ.

Не туманъ, а легкая, прозрачная предразсвѣтная дымка лежала на всей окрестности. Западъ былъ сѣро-синій; востокъ красно-золотой. Высоко стоящее узкое облачко, очень темное сверху, было ярко-золотымъ снизу; солнце должно было показаться скоро.

Вся листва держалась еще на деревьяхъ, но уже не была только зеленою, а самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: свѣтло-палеваго, почти бѣлаго, желтаго, оранжеваго, розоваго, пурпуроваго и всякихъ зеленыхъ оттѣнковъ. Никогда, по моему, лѣсъ не бываетъ такъ хорошъ, какъ въ эту пору года.

Мѣсто мы брали крѣпкое—отъемина, волчье, съ вѣрнымъ выводкомъ и такое, гдѣ лѣсъ и почти всѣ безъ исключенія лазы видны каждому борзятнику. Лѣвѣе меня сталъ Ш—въ, потомъ охотникъ, по прозванію „Хижина“, правѣе В. Д. Г—въ съ моими двумя собаками—замѣчательно злобнымъ „Караемъ“ и „Вьюгою“, далѣе Н. А. Е—нъ, потомъ его охотникъ и т. д. У меня на сворѣ были знакомые уже *бѣлые* „Лебедь“ и „Вихрь“. Еще ни разу мнѣ не приходилось травить ими волка и я очень интересовался ихъ пріемомъ.

Скоро гончія погнали горячо и въ островѣ поданъ былъ голосъ „по лисѣ“; лисицъ въ этомъ мѣстѣ бываетъ много, но ихъ очень трудно изъ него выжить, вслѣдствіе большого количества назьмъ и невѣроятныхъ размѣровъ канавы, окружающей лѣсъ и дающей

лисицамъ возможность безопасно для себя обкладывать его, вдоль опушки.

Ничего въ полѣ еще не шло, но я ясно услышалъ улюлюканье и увидалъ Е—на, поскакавшаго съ своимъ охотникомъ. Вижу, оба остановились, слѣзли, помотались на одномъ мѣстѣ; слышу, огрызнулась собака, потомъ визгнула и затѣмъ оба, постоявъ немного на мѣстѣ, сѣли на лошадей и заняли прежнія мѣста. Тоже самое повторилось черезъ нѣсколько минутъ влѣво отъ меня, гдѣ стоялъ „Хижина", потомъ опять—на лазу, который занималъ К. В. Н—въ. Съ самаго начала охоты изъ острова ничего не выходило; я недоумѣвалъ все больше и больше. Наконецъ, вижу,—охотникъ Е—на травитъ русака и въ тоже время, въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ самъ Е—нъ, но уже изъ-за бугра, я услышалъ неистовые крики „улю-лю-лю-лю!.. улю-лю-лю-лю-лю!.. разбой!... уходитъ!..." Показалась сначала его шапка, а потомъ волкъ, который тихо, наметомъ, окруженный оплясывавшими его собаками, шелъ въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ безъ умолку гоняла вся стая. Крайне интересуясь пріемомъ „бѣлыхъ", я спустилъ ихъ со своры и поскакалъ за Г—мъ, который своихъ собакъ спустилъ еще раньше. Живо подоспѣли они къ волку, но къ крайнему моему огорченію, „бѣлые" его и не тронули и даже старый „Карай" щипнулъ его только за гачи.

— Не слѣзайте!... онъ бросается... я насилу вскочилъ отъ него на лошадь! сказалъ намъ Е—нъ, когда мы подскакали къ волку, который бѣжалъ очень тихо и по очереди бросался то на ту, то на другую изъ окружавшихъ его собакъ, щелкая зубами. Онъ уходилъ очевидно...

Совершенно забывшись отъ досады и отчаянія, я заскакалъ ему впередъ и соскочилъ съ лошади. Волкъ пробѣгалъ близко. Ободренный „Карай" сильно рванулъ его опять за гачи, причемъ тотъ обернулся и подвернулъ мнѣ задъ. Помню только, какъ ухвативъ за полѣно, я повалилъ волка и какъ онъ, опрокинувшись на заду, въ тотъ же моментъ кинулся мнѣ съ открытою пастью къ нижней части живота. До сихъ поръ еще живо у меня въ рукѣ ощущеніе страшнаго, инстинктивнаго удара кистенемъ по головѣ, отъ котораго волкъ повалился, какъ отъ смертельнаго выстрѣла. Г—въ прирѣзалъ его уже лежачаго. Все произошло въ минуту.

— Все таки не ушелъ, сказалъ я подъѣхавшему Е—ну.

— Арапникомъ васъ за такія штуки слѣдуетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь.

Оказалось, что вѣроятно мы выѣхали слишкомъ рано и пять волковъ были затравлены въ полѣ, на пути ихъ съ ночной кор-

межки, въ тотъ самый лѣсъ, который мы брали, но я рѣшительно не могу объяснить себѣ поведенія собакъ съ этимъ волкомъ. Что „бѣлые“ его не брали, меня не удивляетъ, такъ какъ и впослѣдствіи они не отличались хорошимъ пріемомъ и больше только щипали волковъ; но всѣмъ намъ совершенно непонятно, почему свора Е—на, только что передъ тѣмъ отлично взявшая волка, и особенно—почему „Карай“, если не спасшій мнѣ жизнь, то во всякомъ случаѣ избавившій меня отъ тяжелой раны или уродства, когда матерый волкъ бросился мнѣ передними ногами на грудь, пастью къ лицу *), собака мертвая и испытанная на волкахъ, такъ недостойно и почтительно обошлись съ послѣднимъ.

—

12-го декабря 187.. года брали мы островъ, въ которомъ накапунѣ взяли выводокъ молодыхъ волковъ. Борзятники окружали лѣсъ подковою; я стоялъ безъ собакъ, на очень рѣзвой кобылѣ „Мечтѣ“ (3/4-кровной дочери Баламута Ѳ. Ѳ. Мосолова). Гончія съ полчаса уже водили по „горячему“. Наконецъ, особенно мягко какъ-то спрыгнулъ съ вала лѣсной канавы огромной величины волкъ и пошелъ въ чистое поле; вся стая выкатила за нимъ кучею. Я на Мечтѣ сталъ отрѣзать его отъ лѣса. Ближайшія своры пущены были ему—какая поперегъ, какая на встрѣчу. Волкъ понемногу началъ заворачивать отъ подоспѣвавшихъ къ нему собакъ и пошелъ внутри образованной борзятниками подковы, дѣлая такой же кругъ, только въ меньшемъ размѣрѣ. Каждый изъ охотниковъ спускалъ собакъ по-очереди, и такимъ образомъ къ концу круга за однимъ волкомъ шли восемь своръ борзыхъ, стая гончихъ, скакали восемь борзятниковъ, два доѣзжачихъ и я во весь махъ (повторяю, на *очень рѣзвой лошади*), все время отрѣзавшей его вдоль опушки отъ лѣса, куда онъ возвращался.

Все оказалось тщетнымъ. Несмотря на такую обстановку, ни одна собака даже близко не подобралась къ нему, хотя между ними были и очень рѣзвыя, и очень злобныя. Саженей тридцать впереди меня и саженей двадцать впереди ближайшихъ собакъ, волкъ перемахнулъ туже канаву, въ другомъ, только мѣстѣ, и съ трескомъ раздвигая и ломая кустарникъ, скрылся въ островѣ. Толпою собрались мы обсуждать происшедшее, а онъ, оттянувши отъ гончихъ на далекое уже разстояніе, вылетѣлъ на другую сторону—прямо въ зубы двумъ крайнимъ сворамъ, не принявшимъ участія въ первой травлѣ, разшвырялъ какъ щенятъ и переранилъ тамъ собакъ и торжественно ушелъ черезъ рѣку.

*) Журн. „Ох.“, Т. 3-й, 2-я полов. 1875 г. „Охота 16 сентября 1874 г. въ Ч. уѣздѣ, Т. губерніи“.

На слѣдующій годъ брали мы тотъ же островъ. Не надѣясь на свою свору, я сталъ въ лѣсу съ ружьемъ. Выше меня съ ружьями также стали Д. А. П—нъ и Н. П. А—въ. Пока заводили гончихъ и занимали мѣста съ борзыми, я вступилъ въ бесѣду съ подошедшимъ ко мнѣ очень милымъ, словоохотливымъ мальчикомъ—сыномъ лѣсника.

— Ну, дяденька! что волковъ здѣсь въ лѣсу, страсть! какъ овцы... такъ стадомъ и ходятъ; по четырнадцати видали... А ночью подойдутъ къ самой караулкѣ, да какъ заиграютъ, загудутъ, такъ не то что на дворъ выдти, и въ избѣ-то жуть забираетъ..! Всѣхъ собакъ зимой потаскали, теперь къ послѣдней „Жучкѣ“, должно, подбираются; да хитра дюже—тоже не поддается; привыкла, знать, ко всѣмъ ухваткамъ ихнимъ... сейчасъ въ избу... тоже чуетъ небось... А ужъ одинъ лѣшій, дяденька, съ хорошаго третьяка буде... право слово съ третьяка—съ жеребенка; и голосъ у него такой толстю—щій... словно быкъ реветъ. Вотъ кабы его ты убилъ, важно-бъ было; а то почесть кажинный день скотину таскаетъ. А надысь у дяди Никанора какую лошадь повалилъ,—рублей шестьдесятъ стоитъ!.. А то что дяденька! позавчерась слышимъ мы съ батенькой въ лѣсу,—у караулки гуси кричатъ; вышли поглядѣть, а ихъ шестеро окаянныхъ... набольшой-то передомъ, а сзади-то поменьше,—дѣти должно, по тропочкѣ одинъ за однимъ идутъ и у кажнаго по гусю въ ротѣ... зубами за крылья волокутъ. Гуси-то живые крича—атъ и другимъ крыломъ все треплютъ по-земи, бьются!..

— А что, дяденька! ружье-то у тебя, знать, здорово палитъ, коль ты ихъ не боишься чертей?!..

Съ большими промежутками отозвался раза три старикъ „Колотай“; въ то же время, осторожно переступая съ ноги на ногу, съ навостренными ушами, повернувъ голову въ сторону отозвавшагося „Колотая“ и прислушиваясь, вышелъ громадный волкъ, прямо на Н. П. А—ва, по дорожкѣ, шагахъ въ пятнадцати. Тотъ, подпустивъ незамѣтившаго его (въ кустѣ) волка еще ближе, пустилъ ему зарядъ картечи въ голову.

Тяжело раненый звѣрь присѣлъ сначала; но потомъ, отфыркиваясь, съ рычаніемъ и хрипѣніемъ, приподнимаясь на заднихъ лапахъ и точно упираясь передними, или отмахиваясь отъ докучавшей ему боли, подошелъ къ А—ву такъ близко, что тотъ могъ достать его концами стволовъ.

А—въ до сихъ поръ не можетъ объяснить себѣ, почему не выстрѣлилъ по немъ второй разъ въ эту минуту, а уже отпустивъ

его шаговъ на восемь—и выстрѣлилъ крупною дробью. Отъ этого второго выстрѣла волкъ пошелъ наметомъ и шагахъ въ пятнадцати, вышелъ на очень хорошаго стрѣлка П—на. Тотъ пустилъ ему еще два заряда крупной дробью въ бокъ. Волкъ только прибавилъ хода и уклонившись въ сторону, въ моихъ глазахъ, но не въ мѣру, поднялся на бугоръ и уже рѣзво пошелъ въ полѣ, преслѣдуемый „Колотаемъ".

Какъ нарочно, его встрѣтили своры на томъ же мѣстѣ, на которомъ въ прошломъ году, *вѣроятно онъ же*, разшвырялъ собакъ На этотъ разъ, несмотря на тяжелыя раны, онъ поступилъ съ ними точно также, и опять съ торжествомъ ушелъ черезъ рѣку.

Черезъ двѣ недѣли, крестьяне, въ томъ же островѣ подчищавшіе лѣсъ, нашли его мертвымъ. Голова у него была распухшая и обезображенная (картечь не прошла въ полость черепа, а скользнувъ по костямъ, разворотила кожу и проникла въ шею), а бокъ въ двухъ мѣстахъ испачканъ запекшеюся кровью.

## IV.

### На прогулкѣ послѣ охоты и обѣда.

Послѣ очень удачнаго утренняго поля, взявши изъ одной площади нѣсколько волковъ, двухъ лисицъ и шесть русаковъ, мы, застигнутые сильнымъ дождемъ, вернулись на постоялый дворъ—мѣсто нашей стоянки. Всѣ были веселы, послѣ удачи, и время проходило въ оживленной бесѣдѣ и разсказахъ о подробностяхъ гоньбы и травли. Угощали охотниковъ, и многіе, празднуя утреннія побѣды, угостились сами. Съ нами между прочимъ были сосѣдъ нашъ Н. И. А—ій и В. В. У—въ, пріѣхавшій изъ полка въ отпускъ.

А—ій человѣкъ, зная котораго, нельзя не полюбить: добрый, готовый на всякую услугу, всегда съ своею трубою отличающійся на всѣхъ сосѣднихъ пожарахъ, но величайшій врагъ самому себѣ, охотникъ „пройтиться по рюмочкѣ",—угостить и угоститься, послѣ чего уже *„препонъ для него не существуетъ"*. Названія—„малый-рубаха", „безшабашная голова" очень идутъ къ нему. У—въ—человѣкъ въ томъ же родѣ, съ нѣкоторыми только оттѣнками, заключающимися въ томъ, что гдѣ бы онъ ни былъ,—онъ сейчасъ вступаетъ въ роль распорядителя, устроителя и вообще начальника неввѣренной ему, но невольно подъ его команду поступающей отдѣльной части; всѣ люди ему подчиняются. Онъ былъ доброволь-

цемъ въ Сербіи, потомъ въ стрѣлкахъ подъ Плевной и за Балканами.

Пообѣдали еще веселѣе, а къ тому времени распогодилось и показалось солнце.

— Господа! что золотое время терять,— поѣдемте за рѣку, оврагами поровняться, сказалъ А—ій, которому уже все улыбалось.

— Сѣдлать! крикнулъ въ отвѣтъ У—въ, все время тому ни въ чемъ не уступавшій.

Болѣе половины охотниковъ осталось дома, предпочитая полежать и отдохнуть послѣ охоты и обѣда. А—ій ѣхалъ со сворою на отличномъ черноморѣ—ворономъ «Арабчикѣ»; рядомъ съ одной стороны ѣхалъ У—въ на маленькой, курчавой, куцой „Шленкѣ“, а сильно подгулявшій хозяинъ постоялаго двора (пріятель А—го) на маленькой гнѣденькой лошадкѣ съ другой стороны. За ними тянулись два-три охотника, а затѣмъ безъ собакъ Г—въ и я на «Мечтѣ», въ качествѣ наблюдателей.

Когда, выѣхавъ на бугоръ за лѣсъ, всѣ заровнялись, крайній къ оврагу, очень дѣльный борзятникъ Иванъ Наумовъ поскакалъ, снявъ шапку.

— Вотъ она какая штука! крикнулъ А—ій, тутъ же спустивши собакъ и начавъ на скаку улюлюкать.

Все понеслось за нимъ неистово и скрылось въ оврагѣ налѣво; только мы съ Г—мъ, зная что оврагъ поворачиваетъ направо, поскакали наперерѣзъ и остановились на краю спуска; въ это время опять уже накрапывалъ дождь... Разинувъ ротъ и безпрестанно оглядываясь, поровнялась съ нами низомъ оврага лисица и осмотрѣвъ, какъ птица вылетѣла на противоположный бугоръ и скрылась за переваломъ. Нѣсколько минутъ спустя мы услышали топотъ; впереди скакалъ А—ій, за нимъ поспѣшалъ У—въ, еще сзади хозяинъ постоялаго двора, погоняя себя локтями, а лошадь ногами, чуть не достававшими землю, и длиннымъ концомъ поводьевъ, по обоимъ бокамъ. Ихъ окружали штукъ десять борзыхъ, которыя въ недоумѣніи напрасно искали чего нибудь впереди глазами. Лавою принеслось все это къ намъ и остановилось.

— Видѣли лисицу? гордо, съ достоинствомъ и подбоченившись, въ видѣ главнокомандующаго, обратился къ намъ А—ій.

— Видѣли, отвѣчали мы разомъ.

— Куда пошла? переспросилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Мы молча указали направленіе.

Бросивъ на насъ взглядъ, исполненный презрѣнія, А—ій так-

же молча повернулъ Арабчика и, ударивъ его арапникомъ, ринулся съ кручи, за нимъ точно также пустился У—въ; затѣмъ пустился и хозяинъ постоялаго двора съ тѣми же тѣлодвиженіями. Одинъ за однимъ, окруженные по прежнему недоумѣвающими собаками, выбрались они на другую сторону и, постепенно удаляясь, скрылись по направленію ушедшей лисицы; лишь топотъ доносился къ намъ издали, а дождь пошелъ *настоящій*.

Давно уже мы со всѣми охотниками были дома, только *трio* наше не возвращалось. Дождь лилъ вполнѣ *настоящій;* темнота была страшная. Мы собирались ужинать и, безпокоясь о судьбѣ *преслѣдователей лисицы*, подавали имъ въ рогъ голосъ съ крыльца. Наконецъ дверь отворилась и въ нее вошелъ У—въ, поливая полъ стекавшею съ него водою.

— Славно время провели, нечего сказать! сказалъ онъ отряхиваясь.

За нимъ ввалился А—ій.

— Хижина! давай скорѣй чижа! По чижу пройдемся, а то нитки сухой не осталось. Пропади-жъ она пропадомъ — проклятая лисица! хорошо еще, что въ полѣ ночевать не пришлось.

— Ну, ужь это дудки, чтобы царь стоялъ у будки... не въ такихъ передѣлкахъ бывали, да цѣлы и сухи выходили, а лисицѣ можно сказать „бонжуръ за вниманіе“, отвѣчалъ ему У—въ.

— А что! ушла? спросилъ кто-то изъ насъ.

— А вы затравите такъ-то переспросилъ А—ій? Шутка сказать,—верстъ восемь проскакали, а ее и въ глаза не видѣли.

Понемногу все вошло въ обычную колею. *Преслѣдователи лисицы* согрѣлись и обсушились, и мы, потрунивъ надъ „горячими охотниками“, стали располагаться на ночь; хозяинъ давно уже храпѣлъ за перегородкою.

## V.

## На ночлегѣ.

(Разсказъ ех-охотника).

— Нѣтъ, я вамъ лучше скажу, что у меня было, и что я самъ видѣлъ. Давно ужъ, передъ отъѣздомъ моимъ за границу (гдѣ разказчикъ между прочимъ никогда не былъ), зашелъ я на псарню— Тревожку посмотрѣть, которая ощенилась. Собакъ только-что накормили, у корыта Алдошка стоитъ, а два пестрыхъ поросенка овсянку доѣдаютъ.

— Алдошка! зачѣмъ у тебя здѣсь поросята? спросилъ я.

— Да, кума надысь принесла, овсянка-то остается; такъ пусть ихъ... не объѣдятъ... да и собаки-то лучше попривыкнутъ,—зря на скотину швыряться не станутъ".

Ну, думаю, чертъ съ нимъ! и ушолъ домой; а тамъ дня черезъ два въ чужіе края уѣхалъ. Вернулся я уже осенью — поздненько; въ поле—такъ и подмываетъ... Какъ пріѣхалъ, съ вечера Алдошку позвалъ и приказалъ на зарѣ выѣхать и у „Краснаго" меня съ гончими дожидаться. Утромъ самъ выѣхалъ попозднѣе, сталъ въ головкѣ противъ водомоины на лучшемъ лазу и голосъ подалъ „гончихъ бросать". „Красный" мѣсто теплое, длинное—версты на три тянется. Погода сухая, съ вѣтромъ; ничего не слышно. Стоялъ, стоялъ я; сначала гончія будто и погнали, а тамъ все какъ въ землю провалилось. Соскучившись и продрогнувъ порядкомъ, я и двинулся къ острову узнать что тамъ дѣлается. Въ головкѣ въ вершину спустился, да лугомъ шажкомъ поѣхалъ въ ту сторону, откуда гончихъ набросили. Направо-налѣво бугры съ частымъ кустарникомъ и въ лощинѣ-то потише стало,—слышнѣе. Отъѣхалъ я съ полверсты, ничего не видно. Вдругъ въ полубугрѣ — налѣво слышу: хрю-хрю, хрю-хрю-хрю; хрю, хрю,—хрю-хрю-хрю... а другой голосъ потолще въ одну ноту хрюкаетъ, какъ молоткомъ отбиваетъ: „хрю, хрю, хрю, хрю!"... Что за чертъ? думаю себѣ! въ лѣсу-то видно скотина; толконулъ лошадь да и тронулъ лугомъ на рысяхъ, Алдошкѣ сказать. Гляжу, а онъ ко мнѣ низами съ гончими шагомъ ровняется, посвистываетъ, да такъ лѣниво, — можно сказать, порскаетъ.

— Алдошка! въ лѣсу-то скотина!

— Гдѣ, баринъ?

— Сзади—налѣво поросята хрюкаютъ.

Какъ встрепенется мой Алдошка, какъ заоретъ: „слуша-ай! вались къ нему!..." самъ какъ бѣшеный впередъ поскакалъ, а мнѣ только рукою да шапкою машетъ,—на поле указываетъ...

Сталъ я кустами на опушку выбираться, а слышу ужъ — „Воротило" въ доборъ пошелъ, и „Тревожка" отзывается. Ну, думаю себѣ, не даромъ! и на прежнее свое мѣсто поѣхалъ. А стая ужь кипитъ такъ, что разомъ самому жарко стало. Круга два задали,— слышу ко мнѣ подвигаютъ... Смотрю, на опушкѣ кума мелькнула, вышла въ поле потихоньку, — цвѣтная такая; на заднихъ лапкахъ присѣла, видно прислушивается; къ лѣсу назадъ вернулась, да потомъ разомъ какъ ерзанетъ, прямо въ водомоину, что ко мнѣ то выходитъ. Я стою, не дышу, а музыканты мои... Небось о стаѣ-то

моей слыхали,—тутъ все было: и скрипки, и флейты, и віолончель, и контръ-басъ... что передъ ними оркестръ Сакса!..

Ужъ изъ лѣса выбрались; только гонами въ воздухѣ поигрываютъ, да какъ собаки пылкія, паратыя, разумѣется, снеслись, да и залились полями... Ну, а поросятъ не обманешь! какъ довалились до водомоины-то, такъ на меня и покатили—одинъ одной стороной водомоины, другой другимъ краемъ;—да по горячему-то такъ и играютъ: „хрю-хрю, хрю-хрю, хрю-хрю, хрю-хрю“... Что бы вы думали? вѣдь въ ноги, — прямо въ ноги лисицу и выставили; соколы мои и развернуться ей не дали; даромъ что матерая!.. Тутъ только я Алдошкину штуку-то понялъ; самъ куму торочу, на поросятъ посматриваю; а они, сердечные, устали, лежатъ, языки высунули, никакъ не отдышутся, да то на меня, то на лисицу глаза переводятъ... Да вотъ какая вещь!—до чего настоящій-то охотникъ въ прежнія времена доходить могъ... Вотъ вы и поучитесь!..

**Ѳ. А. Свѣчинъ.**

1879 г., 14 іюля.
Село Ситово,
Ефремовскаго уѣзда.